

Олег Пет ТНЕ СЛОН

(один случай из психоаналитической практики)

Олег Пет

**The Слон. Один случай из
психоаналитической практики**

«Автор»

2024

Пет О.

The Слон. Один случай из психоаналитической практики /
О. Пет — «Автор», 2024

Он вернулся. Не в окопах — здесь асфальт сух и цел, а в сумерках зажигаются не ракеты, а фонари. Но война — она не снаружи. Она внутри, под рёбрами, комом сжавшимся, который не откашлять. Он пытается встроиться в эту размеренную, спокойную жизнь. Натягивает её на себя, как чужой, накрахмаленный мундир. Улыбается жене, пьёт кофе по утрам, смотрит на спящего ребёнка — и всё это сквозь невидимое, липкое стекло. Он здесь, но его нет. Он там, где пахнет гарью и смертью. Сможет ли он когда-нибудь стряхнуть с себя этот пыльный призрак? Сможет ли снова дышать полной грудью, не озираясь на каждый резкий звук? На эти вопросы нет ответа. Возможно, он есть у седого психоаналитика, что двадцать лет вслушивается в тишину между словами отчаявшихся. В тишину, где и живут все демоны. Открывайте книгу. Присядьте. Послушайте. Это история о тихом сражении, которое начинается после войны.

© Пет О., 2024

© Автор, 2024

Олег Пет

The Слон. Один случай из психоаналитической практики

1

Это был обычный морозный день. В Ленинграде — теперь его называют иначе — такие дни ничего не значат. Они просто есть. Текут сами по себе. Они колют лицо, забираются под пальто и напоминают, что этот мир равнодушен. Ледяной ветер не щипал лицо — он методично, без злобы, просто выполнял свою работу. С кончика носа начиналось то мелкое, будничное страдание, к которому быстро привыкаешь, как привыкаешь к одиночеству или к плохому кофе в дождливый день.

Телефон трезвонил уже третий раз. В кармане пальто вибрировало что-то чужое, механическое, неуместное в этой хрупкой тишине заснеженной улицы. Надежда на то, что звонящий устанет и повесит трубку, таяла, как тает лед на ладони — медленно, но безвозвратно. Холод пробирался под воротник, и я снял перчатку почти с обидой. Полез во внутренний карман. Айфон. Холод стекла. Бездушный осколок прогресса.

— Да слушаю. — Я сказал это так, словно давал собеседнику последний шанс ошибиться номером. Внутри уже теплилась эта глупая, почти детская надежда. Мороз и разговоры всегда несовместимы. Как война и жизнь. Тепло и холод. Жизнь и смерть.

На том конце возникла пауза. Длинная, неловкая, прожитая. Человек там, видимо, уже отчаялся дозвониться, но все еще не повесил трубку — а это уже что-то говорит о твердости характера. Потом он кашлянул. Сухо, по-больничному.

— Добрый день... мне срочно нужны услуги психолога. Я звоню вам по объявлению с интернет сайта . Я правильно... я правильно позвонил? — Голос крепчал с каждым словом, как человек, который заставляет себя идти дальше, хотя ноги уже не держат.

— Я оказываю психологическую помощь, — ответил я. И, помедлив, добавил: — Двадцать лет стажа. Сергей Викторович. Чем могу помочь?

Молчание. Потом снова голос — уже собранный, почти фронтовой:

— Я не сплю уже две недели. Меня преследуют кошмары. Мне страшно жить. Вы можете назначить мне консультацию?

Я стоял на морозе, слушал этот голос и понимал: вот он, клинический случай. Не просто тревога. Не просто усталость. То, от чего не спасает ни водка, ни смена обстановки. И здесь, подумал я, надо быть очень аккуратным. Слово, сказанное не вовремя, может убить. Или — что страшнее — оставить жить в аду.

— Понимаете, — сказал я медленно, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — если у вас бессонница и тревога, вам нужен врач. Психиатр. Он выпишет лекарства. Это будет быстрая и необходимая помощь. Я — психоаналитик. Здесь результат — не раньше, чем через десять сессий. Это как строить дом под обстрелом. Не быстро. И не дешево.

На том конце подумали. Я услышал дыхание — частое, сбивчивое. Человек собирался с силами.

— Я уже полгода наблюдаюсь у психиатра. Пью всё, что она назначила. — Голос вдруг стал плоским, безнадежно-спокойным. — Результат нулевой. Мне посоветовали психолога. На сайте я выбрал вас. Когда можно подойти?

Что ж, подумал я. Бывает. Когда таблетки бессильны, остаётся только слова только образы. Хотя слова — это самое ненадёжное оружие, в мире, где все зыбко. Но иногда ничего другого просто нет.

— Завтра. Двенадцать ноль-ноль. Московский проспект, 121, офис 8. Вам удобно?

— Да. — Голос стал жёстким, почти по-военному. — Принято. Буду ровно. Моё имя — Тимур.

Я вздохнул. Холод уже пробрался до самых костей, и движения стали неохотными, как у старого механизма.

— Записал. Завтра, двенадцать ноль-ноль, Московский 121-8, Тимур. До встречи.

— До встречи.

Коротко. Никакого «спасибо». Люди, которые просыпаются каждую ночь в холодном поту, зная, что сон не придёт, а если придёт — принесёт с собой мёртвых, — такие люди редко говорят «спасибо». Они просто держатся. Из последних сил. Как солдаты, которым приказали стоять, а привала не будет.

Я убрал телефон в карман, натянул перчатку и пошёл дальше по заснеженной улице. Ветер дул всё так же равнодушно. Где-то за углом, в других кварталах, в других жизнях, Тимур, наверное, сейчас тоже шёл. И тоже думал о завтрашней встрече. О том, поможет ли она. Или — что вероятнее — ничего не изменит.

Но мы всё равно идём. И это, пожалуй, единственное, что нас ещё держит. Не надежда. Просто привычка. Привычка быть живыми, даже когда внутри уже всё кончилось.

2

На следующий день, ровно в двенадцать, дверь открылась.

Вошедший был среднего роста, атлетического сложения — той породы людей, которые привыкли брать вес на плечи, а не на слова. Лицо приятное, но опустошённое. Такие лица бывают у людей, которые слишком долго смотрели туда, куда смотреть не следовало.

— Тимур, — сказал он по-военному коротко. И добавил, словно докладывал командиру: — Мне на двенадцать.

Он застыл посреди кабинета, как человек, забывший, зачем зашёл.

— Добрый день. Проходите. Располагайтесь.

Я сделал жест в сторону кресла — тот самый жест, который повторяю уже двадцать лет. Каждый раз он кажется новым. Каждый раз — нет.

Тимур сел на край. Пальцы нервно перебирали что-то невидимое. Глаза бегали по комнате, искали предмет, за который можно зацепиться — как руку в темноте. Не нашли. Заметались с удвоенной силой.

— Тимур, перед тем как начать, я предлагаю небольшую дыхательную практику. Что скажете?

Глаза остановились. Теперь он смотрел прямо на меня. В этом взгляде было что-то притягательное и одновременно тревожное — как первый звук сирены, которую ещё можно принять за ветер.

— Да, — коротко.

— Длинный выдох. Считайте до трёх. Задержка. До трёх. Вдох. Задержка. Повторяем.

Я считал. Я всегда считал. Дыхание становилось глубже, размереннее. Бледное лицо понемногу наливалось краской. Обычный механизм. Он никогда не подводил. Война, мир, кабинет — лёгкие всегда работают одинаково. Это единственное, что остаётся неизменным.

— Отлично. Закончили. — Я выдержал паузу. — Теперь расскажите не спеша, с чем пришли. Можете называть меня Сергей Викторович.

Тимур откинулся в кресле, посмотрел в потолок. Тот самый взгляд — в никуда, который хорошо знаком каждому, кто слушал исповеди людей, побывавших там, где кончается человеческая речь.

— Сергей Викторович, — начал он, — уже почти год, как я вернулся с той войны, откуда не возвращаются.

Он говорил ровно. Слишком ровно. Это всегда плохой знак.

— Полгода назад по совету сослуживцев пошёл к психиатру. Сон, тревога... сам не справлялся. Пробовал алкоголь. Стало только хуже.

Короткая усмешка. Без злости. Без иронии. Просто констатация факта.

— Забрали меня в участок. В торговом комплексе накрыла тревога, кричал, требовал, махал руками, — он помолчал. — Хорошо, в дежурке оказались нормальные ребята. Довезли до дома, пожали руку, сказали: героев не забираем. Отпустили. — Он снова замолчал. — Но я почти ничего не помню, Сергей Викторович. Всё как в тумане.

Он замолчал надолго. Часы на стене отбивали секунды. В соседнем доме кто-то играл на пианино — плохо, но упорно.

— Со сном... — Тимур потер лицо ладонями. — Пятнадцать минут за ночь. Урывками. Закрою глаза — вижу их. Ребят из взвода. Живых. Улыбаются, балагурят. А открыть боюсь — вдруг они опять умрут, пока я смотрю? Так и мучаюсь до рассвета.

На глазах выступили слёзы. Он не смахивал их. Просто сидел, позволяя им течь — по этой мужской, обветренной коже, которая видела такое, чего не выдержала бы никакая психология.

— Плачьте, Тимур, — сказал я тихо. — Слёзы — хороший помощник в нашей работе. На столе салфетки.

Он кивнул. Молча взял салфетку. Вытер глаза. Потом высморкался — громко, по-простому, как человек, который перестал стесняться жить.

— Нас было пятеро, — продолжил он. — Из разных районов Питера. Держались вместе на этой чертовой войне. А теперь я один.

Глубокий вдох. Потолок.

— Вы сможете мне помочь? — спросил он с такой надеждой, что стало больно. Вопрос был не профессиональный. Он был человеческий. Самый страшный вопрос, который только может задать пациент.

— Тимур, как ты видишь мою помощь? Что ждёшь от терапии?

— Я бы хотел, — сказал он медленно, — чтобы мои ребята были живы. Сергей, Андрюха, Костян, Димон и Санёк-сорвиголова. Чтобы мы выиграли и встретились здесь, в Питере. Вместе. Отпраздновать.

Он посмотрел на меня. Взрослый, сильный мужчина с надеждой маленького мальчика, который верит, что слова могут воскрешать.

— Тимур, — сказал я осторожно, — я психоаналитик. Я могу помочь тебе разобраться в себе, пережить травму. Найти своё место в этом мире. Не больше.

— Я боюсь, что не смогу. Здесь. Без них. Мы ведь обещали друг другу — вернуться всем вместе. И держаться там совместно.

Он напрягся. Глаза снова заматались. Правая рука рванула левый рукав свитера. Обнажились запястья — свежие, едва зажившие шрамы.

Я не вздрогнул. Уже давно ничему не удивляюсь. Но внутри что-то ёкнуло — тот самый холодок, который появляется, когда понимаешь: этот человек уже пробовал тот путь, уйти.

— Тимур, — сказал я тихо, — я проведу с тобой необходимое количество сеансов. Но при одном условии.

Он посмотрел на меня. Во взгляде смешались боль, злоба, отчаяние — и та странная решимость, которая бывает у людей, уже махнувших на себя рукой.

— Какое условие? — спросил он мгновенно, переключившись.

— Ты напишешь расписку. О том, что даёшь мне слово человека, который видел смерть и знает цену обещаниям. Пока идёт терапия — ни одного физического увечья. Включая это.

Он покраснел. Схватился за запястье, как ребёнок, которого застали за запретным.

— Да... да, конечно. Напишу. — Помолчал. — А это точно поможет?

— Поможет, — сказал я твёрдо, хотя сам не был уверен. — Но и тебе придётся работать. Ты готов?

— Да! — почти выкрикнул он. — Готов.

Он написал расписку. Протянул мне неохотно — как человек, который не хочет расстаться со своей единственной страховкой. Со своей возможностью.

— Сергей Викторович... — спросил он, уже в дверях. — А я смогу вам звонить? Если нужна будет срочная помощь?

Я улыбнулся. Улыбнулся не ему — своим воспоминаниям. Игроки, алкоголики, люди, теряющие рассудок в три часа ночи. Все они просят один и тот же номер. И я всегда даю.

— Конечно, Тимур. В любое время.

Он помялся.

— У меня ещё одна просьба... — Он прищурился, заговорщически, как старый заговорщик. — Вы можете называть меня Слон.

— Слон? — Я не удивился. В этой профессии уже ничему не удивляешься.

— Позывной. На войне. Ребята так называли. Мне... привычнее.

— Хорошо. Слон так Слон.

Я подвёл итог. Две сессии в неделю. Два месяца. Психоанализ по Фрейду. Гипноз. Он кивал, соглашался, улыбался. Как человек, который наконец-то нашёл свой берег.

— Список лекарств принесите, — добавил я. — И психиатра поставьте в известность.

Он широко улыбнулся:

— Так это она мне вас и посоветовала.

— Хорошо. — Я кивнул. — А теперь — сеанс. Закройте глаза. Глубокий вдох. Я считаю до десяти...

Он ушёл через час. Легкий, почти счастливый.

— Я был в детстве, — сказал он перед уходом. — Говорил с собой маленьким. И спал — по-настоящему, впервые за много лет. Не проваливался. Спал.

Я остался один.

Сидел, смотрел в окно. Питерская зима. Снег валил, как проклятый.

И это снежное изобилие придавало нашему городу особую сказочность. Словно по мановению волшебной палочки Питер мгновенно превратился в место действия, давно забытой, но такой любимой в детстве, сказки о Снежной королеве. И вот уже сейчас из-за поворота вылетят ее быстроходные сани, запряженные великолепной тройкой лошадей. И теперь уже Кай готовый прицепиться к ней ожидает, их в нетерпении переминаясь с ноги на ногу. А здесь в доме напротив под елкой, искусно украшенной к Новогодним праздникам, кажется стойкий оловянный солдатик снова бьется с крысиным королем не на жизнь, а на смерть за право быть вместе со своей принцессой- бумажной танцовщицей.

«Да, — подумал я, — есть что-то волшебное в этих праздниках».

Но волшебство не лечит. Волшебство только даёт передышку. А лечат слова. Терпение. И странная, ни на чём не основанная вера в то, что человек может выжить даже после того, как всё внутри уже умерло.

Случай был клинический. Интересный. Опасный.

— Что ж, — сказал я вслух пустому кабинету. — Поработаем.

3

В назначенный день Тимур стоял у двери моего кабинета на двадцать минут раньше. Я заметил это ещё из коридора — такую фигуру трудно не заметить. Он был небрит, коротко подстрижен, и в этой короткой стрижке уже было что-то военное, привычное, как старая кобура, которую перестаёшь замечать. Но странная деталь сразу бросилась в глаза: левый висок. Там, где волосы росли реже, виднелся заживший красный шрам — чёткий, с аккуратными следами швов. Хирург, накладывавший их, знал своё дело. Или спешил. На войне спешат всегда.

Тимур, видимо, шёл без шапки. Мороз сделал своё дело — шрам загрубел, приобрёл тот неприятный фиолетовый оттенок, который бывает у плохо заживающих ран на холоде. Он старательно растирал его рукой — механически, не переставая, словно пытался стереть не рубец, а память о том, что его породило.

— Добрый день, Тимур, — сказал я ровно, без лишней бодрости. Люди, которые видели смерть, распознают фальшь быстрее, чем эхо выстрела.

— Добрый морозный день, Сергей Викторович, — ответил он, и в его голосе вдруг проступило что-то почти детское, неожиданное для этого обветренного лица.

— Проходи, располагайся.

Он прошёл неспешно, но в каждом движении чувствовалась та особая выверенность, которая остаётся у людей, привыкших, что пол может вздрогнуть в любую секунду. Он сел в кресло для клиентов — то самое, которое по методу Фрейда стоит так, чтобы пациент полулежал с закрытыми глазами, а психоаналитик сидел сбоку, невидимый, но присутствующий. Кресло помнило многих. Но такое — впервые.

Только сейчас я обратил внимание на странность. Разговаривая, Тимур как-то неестественно наклонял голову влево, словно прислушивался правым ухом. Как старый радист, который настраивается на помехи.

— Тимур, ты плохо меня слышишь? — спросил я осторожно.

Он помолчал. Потом сказал коротко:

— Это после ранения...

И замолчал. А через секунду его глаза налились слезами. Не теми слезами, которые приходят медленно, исподволь, а теми — беспомощными, острыми, когда плачут не от боли, а от бессилия что-либо изменить. Взгляд наполнился пустотой. Не злобой. Не тоской. Именно пустотой — самой страшной вещью, которую можно увидеть в человеческих глазах.

Он отвернулся к стене. Не демонстративно. Просто не выдержал.

Я не стал его торопить. В нашей работе минуты молчания часто дороже слов. Я сидел, смотрел на его затылок, напряжённые плечи и думал о том, что внутри него сейчас происходит — тот самый невидимый бой, о котором никто не пишет в сводках. Желваки на скулах ходили ходуном. Вены на лбу надулись, словно кто-то невидимый подсоединил к ним насос. Психика работала на пределе — не как механизм, а как старая, перегруженная лодка, которая вот-вот даст течь.

Работать в этом состоянии было бессмысленно. Опасно. Я предложил дыхательную технику — ту самую, которая уже показала себя в прошлый раз. Счёт. Вдох. Задержка. Выдох. Простые вещи, которые кажутся смешными тому, кто не знает, как остановить внутренний взрыв.

— Глубоко вдохни на счёт раз, два, три. Задержи дыхание — раз, два, три...

Постепенно его дыхание становилось глубже, ровнее. Желваки перестали ходить. Вены на шее опали — медленно, как вода после шторма. Тимур успокаивался. Возвращался.

— Тимур, — спросил я мягко, когда пауза перестала быть тяжёлой, — так почему всё-таки «Слон»? Что для тебя связано с этим словом?

Он повернул голову. Посмотрел на меня — и вдруг улыбнулся. Не той дежурной улыбкой, которую люди надевают, как галстук на собеседование. А настоящей, открытой, почти мальчишеской.

Я удивился. Перемена произошла мгновенно, как если бы кто-то переключил свет. Сейчас на меня смотрело не хмурое лицо бывшего фронтовика, прошедшего семь кругов ада. Сейчас передо мной был юный паренёк с наивными, добрыми глазами, которые ещё не разучились удивляться.

— Такой позывной я сам себе выбрал, — проговорил он задумчиво, пробуя слово на вкус. — На войне.

— А почему именно «Слон»? — не отступал я. Что-то было в этом слове — не просто шутка, не случайность. Там, за ним, прятался смысл, который он сам, возможно, ещё не до конца понимал.

Тимур снова улыбнулся. Широко, почти счастливо. Помедлил — так медлят перед тем, как открыть дверь, за которой осталась другая жизнь.

— Знаете, Сергей Викторович... — начал он.

И в кабинете повисла та особенная тишина, которая бывает только перед рассказом, который уже давно ждал своего слушателя. На улице всё так же падал снег. Где-то в городе зажигались окна. Обычный вечер в Петербурге. Но в этом кресле сейчас начиналось что-то, что не вмещалось в те обычные вечера.

Я молчал. Ждал.

А Тимур смотрел куда-то в сторону, сквозь стены, сквозь время — туда, где ещё можно было выбрать позывной и верить, что это что-то значит.

4

Ржев. Именно так назывался город, куда перевели отца по службе. Название, не имеющее значения. Все города похожи, когда уезжаешь из одного и приезжаешь в другой. Важно только то, кто тебя встречает.

Поезд, ритмично постукивая колёсами, продолжал свой путь. Ленинград — Москва — Ржев. Пункты назначения, в которых люди теряли и находили друг друга. За окнами летний пейзаж поражал буйством красок — тем самым бесполезным богатством, которое никто не замечает, когда внутри уже что-то болит. Сочно-зелёные деревья, ярко-голубое небо и в тон ему необычайно синие реки и озёра. Природа не знала, что где-то совсем недалеко лежат братские могилы. Она продолжала цвести. Это её свойство — быть выше человеческой трагедии.

В вагоне ещё витал уловимый аромат свежесваренного чая, смешанный с запахом сгоревших дров. Проводник уже разносил утренний чай всем желающим. Настроение было отличное — то особенное, почти запретное настроение, которое бывает только в детстве, когда ещё не знаешь, что счастье — это просто передышка между потерями. Я с жадностью выпил крепко заваренный чай, вприкуску с бутербродом, который бабушка заботливо приготовила в дорогу. Она всегда готовила слишком много. Как будто еда могла защитить от того, что ждало впереди.

— Мам, отец встретит нас на вокзале? — спросил я, чувствуя, как внутри разрастается то предвкушение, которое взрослые забывают, а дети помнят всегда.

— Конечно, сынок, обязательно встретит. Готовься, мы уже подъезжаем, — мягко сказала она.

Поезд протяжно свистнул — тот грустный, басовитый звук, который всегда звучит как прощание, даже когда ты приезжаешь. Затем заскрежетал колёсами, тормозя у перрона.

— Город Ржев, стоянка двадцать минут, — громко объявил проводник, со скрипом открывая двери вагона.

— Я возьму чемодан, — с гордостью сказал я. — Я уже большой, всё-таки девятый класс.

— Хорошо, сынок. Если тяжело, скажи, я помогу, — ответила мама тем тихим голосом, которым женщины говорят, когда уже знают, что сын не скажет. Когда уже слишком рано начинают учиться молчать.

Я спустил на перрон тяжёлый чемодан. Остановился перевести дух. Отца в форме морского офицера было видно издалека — он бежал к нам, сжимая под мышкой огромный букет белых пионов. Цветы, которые пахнут землёй и почему-то всегда вызывают чувство вины. Он обхватил нас с мамой, втиснул в свои объятия.

— Тима, подожди, я сам возьму чемодан. «Ну наконец-то приехали мои ржевитяне!» — сказал он, улыбаясь той широкой, мальчишеской улыбкой, которая никак не вязалась с морщинами у глаз.

Дорога в военный городок оказалась недолгой. Служебный УАЗик жестко отрабатывал подвеской на ухабах и рытвинах.

— Да, это не Рио-де-Жанейро, — улыбнулась мама.

— Да, — ответил я задумчиво. В Рио-де-Жанейро не бывает таких дорог. И такой жизни — тоже.

Квартира была небольшая, но очень солнечная и уютная. Отец уже получил и собрал мебель, которая пришла в контейнере из Владивостока — того города, где наша семья жила раньше. Нам оставалось только разложить по местам вещи, которые лежали в шкафах и на полках маленькими кучками, как воспоминания, которые никак не хотели утрамбовываться.

— Тима, сходи в магазин за углом. Купи молока и хлеба, а то у отца в холодильнике, похоже, мышь повесилась. Вот тебе три рубля.

Я взял деньги и быстрым шагом направился в магазин. За углом. Как всегда. Магазины за углами — единственное, что неизменно в любом городе. В местном магазине я взял батон хлеба и бутылку молока, подошёл к кассе. У кассы стоял паренёк, наверное, мой ровесник, и о чём-то тихо переговаривался с кассиршей.

— Я тебе уже третий раз повторяю: у тебя не хватает на эту конфету десяти копеек. Иди домой, возьми у родителей, тогда и купишь, — твёрдо говорила она.

Мальчик умоляюще проговорил:

— Тётя, родители на работе. Можно, я вам вечером занесу?

— Нет, ничего не получишь. Плати или уходи, не задерживай, видишь, очередь уже собралась.

Тогда я подошёл к кассе и, посмотрев кассирше в глаза, сказал:

— Посчитайте, пожалуйста, нас вместе.

Она с интересом посмотрела на меня.

— Вместе, так вместе. Бутылка молока — 22 копейки, батон нарезной — 20 копеек, шоколадная конфета «Фламинго» — 40 копеек. Итого с вас 82 копейки.

Я молча протянул трёхрублёвую купюру. Она хмыкнула, отсчитала сдачу и громко хлопнула кассой. Я сгрёб мелочь в карман и вышел на улицу, пропустив вперёд мальчика с конфетой.

На крыльце магазина незнакомец протянул мне руку.

— Вован. «Недавно перешёл в девятый», — пробасил он, громко хрустя фантиком разворачиваемой конфеты.

— Тима. Тоже в девятом буду учиться. «Отца сюда перевели по службе», — сказал я, крепко пожимая ему руку.

Вован молча отломил половину конфеты и протянул мне. Я взял и с удовольствием откусил кусочек. Конфета была очень вкусной — шоколад, суфле и вафельная прослойка. Всё вместе создавало тот редкий вкусовой оттенок, который запоминается навсегда, как запах дождя в день, когда случилось что-то важное.

— У нас во Владивостоке с шоколадом было непросто, — рассказывал я, жуя. — Конфеты, которые в изобилии продавались в наших магазинах, — это ириски, которые мы называли «пломбодёрками», сосательные барбариски, соевые батончики и иногда вьетнамские конфеты из сушёных бананов с белым лебедем на обёртке.

Вован уже расправился со своей шоколадной порцией и добавил с умным видом:

— У нас здесь, Тима, с шоколадом полный порядок. Были бы деньги.

Не успев договорить, из-за угла дома вышли трое парней, примерно наши ровесники. Один из них — покрупнее и повыше остальных, видимо, вожак — грубо обратился к Вовану:

— А Рыба, ты не забыл, что денег мне должен? Когда должок-то отдашь?

Вован моментально побледнел и забормотал что-то себе под нос:

— Димыч, сейчас нет денег, я в школе тебе всё отдам. Я помню, конечно, отдам.

Но Димычу было всё равно. Он наглой походкой подошёл и постучал по пустым карманам Вована.

— Ладно, у тебя пусто. Может, у твоего дружка что есть?

Он так же подошёл ко мне и постучал по моему карману. Мелочь предательски звякнула.

— Так, давай, доставай.

Я нехотя показал сдачу из магазина. Он молча сгрёб её в свою руку, пересчитал и заключил:

— Два рубля с мелочью изымаю в счёт твоего долга, понял меня, Рыба? Остальное отдашь в школе!

Он нехорошо зыркнул на меня, развернулся и гаркнул своим парням:

— Пошли, теперь уж точно портвейна купим.

Они молча удалились. Мы с Вованом остались стоять на месте. Я смотрел на него, требуя объяснений. Он стоял всё такой же бледный, руки тряслись.

— Это Димыч, главный король нашего класса. Я ему пять рублей должен за одну услугу. Вот он с меня их и требует, — пролепетал Вован. — Я тебе всё верну. У родителей возьму. Обязательно верну.

— Ладно, Вован. Разберёмся, какой он тут главный, — процедил я, сжимая кулаки.

Во Владике я дружил с местными хулиганами. У меня в школе регулярно возникали вопросы, которые я успешно решал с помощью своих связей. Но здесь я совершенно не знал этих ребят. Да и выглядели они как-то уж совсем непотребно. Что-то непонятное отталкивало меня от них — как будто они говорили мне: «Ты — другой. Не такой, как мы».

В любом случае, я решил разобраться с ними позже. А сейчас мой новоиспечённый друг Вован предложил пойти на рыбалку. Я с радостью принял приглашение — дома всё равно делать было нечего. Мигом сбегав домой и оставив там хлеб с молоком, я рванул обратно.

— Тим, ты куда? Сейчас обед будет! — только и успела крикнуть мне вслед мама.

— Я гулять! Скоро буду! — крикнул я, громко хлопая входной дверью.

Мне очень не терпелось узнать побольше о местных ребятах и их нравах. Вован уже ждал меня у подъезда. Увидев, он радостно кивнул мне, как старому знакомому.

— Пошли, я тут одно рыбное место знаю. Только никому про него не говори, — заговорщически пробормотал он.

Мы пришли на местный пруд. Мой новый знакомый с видом знатока закинул нехитрые рыболовные снасти и замер в ожидании. Я молчал и ждал продолжения рассказа про Димыча и его команду. Но Вован упорно молчал. И вот, когда очередная поклёвка оказалась ложной, он повернулся ко мне.

— Тима, слушай. У нас весь город поделён на районы. В каждом районе есть подвал, в котором ребята оборудовали себе спортзал. Там они качают мышцы. Каждый подвал имеет свой опознавательный знак — это шапка-петушок определённого цвета с соответствующей надписью. Иногда между подвалами случаются споры. Тогда несколько подвалов объединяются, и начинается настоящая война. Она, как правило, заканчивается массовой дракой- потасовкой. Самый сильный подвал — это Мамаевцы. Они в районе Семи Ветров, во главе у них Мамай — его ещё никто не смог одолеть. Их шапка синяя с надписью «Rule». Ещё Девятнаха

— у них шапка чёрная. У старших надпись «Trachton», у младших — «Tip-Top». Ещё их союзники Слоны — у них синяя шапка с белой полосой и цифра «106». Их противники — качалка на улице Елисеева. У тех синяя шапка с тремя белыми полосами и буква «Е». Ещё есть Ральф — у них красная шапка с двумя синими полосками. И Мирские — у них синяя с одной полосой и буква «М».

Вован замолчал, глядя на меня и наблюдая за эффектом. Я молча переваривал услышанное. Конечно, у нас во Владике была дворовая банда, и мы своих в обиду не давали. Но чтобы всё это было в городских масштабах... Это было интересно. Страшно и интересно.

— А как попасть в эти подвалы? — спросил я.

— Нужно либо кому-то из подвальных понравиться. Тогда он поручится за тебя.

— А ты в каком-нибудь подвале занимаешься?

— Нет, они не всех берут. Я бы хотел. Ходил бы в качалку, шапку бы выдали — Димыч точно не тронул бы, — ответил Вован с той тоской, с которой люди говорят о несбыточном.

Мы просидели на пруду ещё час. Рыба не клевала. Может быть, потому что все рыбы уплыли туда, где тише. Я медленно побрёл домой, обдумывая услышанное.

Дома мама сварила большую кастрюлю борща. Я съел две тарелки. Еда — это единственное, что ещё может согреть, когда внутри уже холодно.

Утром мы с отцом понесли мои документы в новую школу. Она находилась за пределами военного городка, который в народе называли Портом. Директор — молодая женщина с доброжелательной улыбкой — встретила нас. Выслушав отца, она подробно расспросила меня о Владивостоке. И очень удивилась, когда я сказал, что мы купаемся в океане до сентября.

— Хорошо, Тима. Я согласна принять тебя в девятый класс. Их у нас два — «А» и «Б». В каком хочешь учиться?

— В каком учится Рыба... то есть Семёнов Вова, — быстро ответил я.

— Семёнов Володя — это который из Порта? Вы уже познакомились. Он в «Б» классе, — как-то грустно добавила директор.

— Тогда и я в «Б».

Она молча кивнула.

— Хорошо. Ты иди домой, а с твоим папой я переговорю.

Я вылетел из школы и рванул к новому другу. Вован сидел напротив своего подъезда и играл перочинным ножиком, втыкая его в деревянный столик.

— Вован, мы теперь в одном классе будем!

— Хорошая новость, — оживился он. — Будем вместе у мелких булки в столовой отбывать и Охрима мучить.

— А кто такой Охрим? — удивился я.

— Скоро увидишь. Пойдём по городку погуляем, покажу, что тут и как.

Городок оказался большим. Стадион, клуб офицеров с просторным кафе, несколько магазинов. Дома — пятиэтажные, похожие друг на друга как близнецы. Только в самой глубине оставался старый трёхэтажный квартал. Весь городок был обнесён высоким забором. Вход и выход — только через КПП. Но солдаты, которые там несли службу, даже не смотрели, кто проходит через вертушку. Войти и выйти мог любой желающий. Даже иностранный шпион.

Вдоволь нагулявшись, мы решили сходить в кино. В клубе офицеров. На афише красовался индийский актёр Митхун Чакраборти. «Танцор Дisko», — задумчиво прочитал Вован.

Я пошарил в карманах — сорок пять копеек. Два билета на вечерний сеанс. Кассирша протянула синие бумажные билеты. Очередь у кассы говорила о том, что фильм будет хороший. Люди всегда хотят танцевать, даже когда кругом война.

— Осталось двадцать копеек. Может, мороженого купим? — спросил я, подбрасывая монету.

Но поймать монету мне не удалось. Её поймал какой-то невзрачный парень. Длинные волосы, крашенные в чёрный, — наверное, уже не учится в школе.

— Молодец, Паспорту, неси сюда, — сказал Димыч, стоявший неподалёку. — Посмотрим, сколько ещё с твоего долга я смогу списать. Слышь, Рыба?

Он подмигнул мне.

— Ты же не против заплатить за друга?

Я сжал кулаки. К такой наглости я не привык. Но Вован преградил мне дорогу.

— Тим, я всё тебе верну. Не переживай. Пошли, фильм начинается.

Фильм был хороший. Молодой парень противостоял целой банде злодеев. Драки, музыка, танцы. Вован размахивал руками и ногами, зачарованный экраном.

— Вот бы я так умел! Я бы сразу с Димычем справился! — повторял он.

По дороге домой я сказал:

— Вован, если нас в подвал не берут, давай свой организуем.

Он остановился как вкопанный.

— Тим... как я сам не додумался?

На следующий день на площадке перед моим домом собрались пять человек. Все — мои одноклассники, кроме одного паренька лет десяти. Младший брат Игоря. Принёс штангу как вклад в общее.

Вован вдруг вспомнил:

— У меня старший брат в этом доме в подвале качалку оборудовал. Ключ оставил, когда в училище уехал. Идём посмотреть?

Мы спустились в подвал. Дверь со скрипом отворилась. И мы увидели настоящий спортзал. Стойки. Скамейка для жима. Гантели. Гири. Груша, набитая песком. Запах пота и железа — тот запах, который перебивает любой другой.

Я ударил грушу. Она была твёрдой, как жизнь.

— Наверное, здесь они боролись, — сказал маленький Игорь с умным видом.

Ребята стояли полукругом, смотрели на меня. Шесть человек. Абсолютно разные. Один — младший брат, который пришёл со штангой. Рыба — который впервые в жизни улыбался без оглядки. И ещё трое, чьи имена я может быть вспомню только через много лет.

— Завтра в три. «Никому не говорить», — коротко сказал я.

Ключ решили оставлять под ковриком у первой квартиры.

Будильник на столе издал звонкий сигнал. Я моргнул. Свет в кабинете был всё такой же — жёлтый, усталый, как лампа в старом вокзальном буфете. Тимур сидел в кресле, только теперь уже не на краю, а почти расслабленно. Но расслабленность военного — это всегда обман.

— Что же, Тимур, интересный рассказ. Я правильно понял — это только начало?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.